

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Языкознание XX века оставляет XXI веку богатое наследие: традиционная грамматика, сравнительно-историческое языкознание, логическое, психологическое, социологическое и неограмматическое направления, структурализм и знаковая теория языка, типологическое языкознание и языковые универсалии — вот далеко не полный перечень актуальных проблем современной лингвистики. Одной из тенденций современного языкознания остается расширенная и углубленная теоретическая и практическая разработка этих проблем с применением новых принципов, методов и методик лингвистического исследования, которая приводит к глубокой дифференциации исследований даже внутри каждого из направлений. Современное языкознание предстает перед нами как разветвленная и многоаспектная плюралистическая лингвистика, которая опирается на все достижения прошлого и включает в себя различные научные традиции разных эпох и поколений.

Этот процесс развития науки о языке характеризуется еще одной тенденцией — расширением связей лингвистики с другими науками. Уже на ранних этапах развития языкознания обозначилась его связь с философией, логикой, психологией, историей и некоторыми другими науками. Современное языкознание расширило и укрепило связи не только с отмеченными науками, но и с целым рядом других гуманитарных, естественных и физико-математических дисциплин: социологией, этнографией, географией, молекулярной биологией, биофизикой и биохимией, нейрофизиологией, кибернетикой, математикой, теорией информационных систем, теоретической физикой и т. д. Эта тенденция привела к возникновению на стыке наук новых лингвистических дисциплин: социолингвистики, этнолингвистики, лингвогеографии, нейролингвистики, математической лингвистики, инженерной лингвистики, лингвосомиотики и т. д. Такая специализация научных исследований вызывает к жизни еще одну тенденцию — стремление к интеграции научных исследований и к осмыслению их результатов в рамках общей теории науки.

Внутри языкознания тенденция объединения разных школ и направлений в рамках общей теории языка обозначилась еще в 60-е годы XX века. О необходимости интеграции говорилось уже в 1962 г. в Кембридже (США) на IX Международном конгрессе лингвистов. В конкретных исследованиях наиболее ярко эта тенденция проявилась в оживлении интереса к лингвистическим универса-

лиям (Е. Курилович, А. Мартине, Р. Якобсон и др.), в убеждении в том, что за поразжающим многообразием языков мира скрываются общие для всех их свойства. Мысль о том, что при всем безграничном несходстве языков они созданы как бы по единому образцу, стала доминирующей в общей теории языка. Поиски этого образца, единой внутренней структуры языка оказались тесно связанными с главной тенденцией современной фундаментальной науки — поиском непротиворечивой основы мироздания и созданием на ее базе общей теории науки.

В современной фундаментальной математике и физике единых теорий является общепринятым представлением о том, что в основе мироздания должна лежать геометрическая фигура. Один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии, австрийский физик-теоретик Э. Шредингер (1887—1961) пишет: «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и ее динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделенный определенной внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определенным, присущим ей чисто геометрическим законам, должен представлять собой адекватную модель или картину» окружающего нас реального мира в пространстве и времени «со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, — картину всех событий, разыгрывающихся в нем» [2, 10].

Поиски геометрического образа мироздания — центральное место современных Теорий Великого Объединения, где в геометрической фигуре должны непротиворечиво объединяться четыре фундаментальные силы — сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное взаимодействия, которые действуют в природе и на базе которых объясняется строение и эволюция материи. Фактически их непротиворечивое объединение приводит к получению Абсолютной Истины, то есть незыблемой основы мироздания, из которой вытекают все законы, управляющие им, так как какие-либо иные фундаментальные силы науке неизвестны. Поэтому в физике единые теории носят название Теорий Великого Объединения. Это классический физический вариант попыток создания Теории Великого Объединения, где физики-теоретики стремятся построить такую теорию, из которой однозначно вытекали бы значения всех параметров элементарных частиц, полей и взаимодействий Вселенной и которые можно было бы объединить одной константой связи. Однако более широко современный научный смысл Теории Великого Объединения формулируется выражением «все связано

со всем», где задача теории — найти основу этой связи. Содержание такой теории уже выходит за рамки чисто физических проблем, поскольку требует непротиворечивого объединения живого и неживого.

Еще Платон наивысшую красоту и наивысшее совершенство в построении мироздания находил в пяти правильных многогранниках. В соответствии с их формой он распределяет их между основными составляющими окружающего мира, определив куб — земле, как наиболее устойчивому элементу, тетраэдр (правильную трехугольную пирамиду) — огню, частицы которого острые, внедряющиеся во все, октаэдр (восьмигранник) — воздуху, легкому, подвижному элементу, икосаэдр (двадцатигранник) — воде. Всеми же миру, по мысли Платона, Творец придал форму правильного додекаэдра (двенадцатигранника). Великий немецкий физик, лауреат Нобелевской премии В. Гейзенберг (1901—1976) считал, что для правильного понимания мироздания нужно отказаться от понятия «фундаментальная частица», и заменить его понятием фундаментальной симметрии, и что нужно отыскивать не фундаментальные частицы, а фундаментальные симметрии, от которых зависит спектр частиц и их взаимодействия. Он полагал, что физика частиц информирует нас, строго говоря, о фундаментальных структурах природы, а не о фундаментальных частицах [1, 149]. Фактически современная атомная физика, по мысли В. Гейзенберга, столкнулась с естественным отказом от материалистического пути, на котором оно стояло в XIX веке.

Понятие структуры становится одним из самых распространенных в науке XX века. В физике микромира наиболее фундаментальными структурами оказываются различного рода симметрии — поворотные, зеркальные и другие. Все явления микромира предстают в виде симметричной картины, которая следует из основных принципов квантовой теории поля. Биология объявляет асимметрию неизбежным законом живой природы, вводит принцип комплементарности в структуру генетического кода. В математике создается теория математических структур. В психологии получает широкое развитие концепция структурной психологии, согласно которой психические акты всегда выступают в определенной целостной системе, в их взаимной связи и обусловленности. Структурализм, захватив и языкознание, делает возможным создание единого основания для сравнения языковых систем. Общая теория науки ищет единое основание для микромира и макромира.

Построение всеобъемлющей теории потребовало ограничить определенными рамками картину мира современной физики и допустить наличие иных, высоких, энергий, их носителей и источников. Пришлось отказаться также от важнейших наглядных понятий физики: частица, античастица, поле и т. д. Если классическая физика исходит из объективности окружающего мира, то уже в

квантовой теории такая идеализация становится невозможной: здесь действует принцип неопределенности, когда не все физические величины могут иметь одновременно точные значения, например, координата и импульс. Законы природы, которые устанавливает квантовая теория, имеют статистический характер, значения физических величин определяются вероятностью и дискретностью. Квантовые системы описываются волновой функцией, которая позволяет через вектор состояния описывать системы и находить вероятности: средние значения величин, которые характеризуют ее. В современной физике не является больше главенствующим принцип: «Все, что не доказано опытом, не существует».

Характеризуя состояние современной физики, В. Гейзенберг высказывает мысль, что она осуществляет переход от принципов атомиста Демокрита к принципам идеалиста Платона. По этому поводу он замечает: «Если достижения современной физики элементарных частиц сравнивать с какой-либо из философий прошлого, то речь может идти лишь о платоновской философии; в самом деле, частицы современной физики суть представления групп симметрии — этому нас учит квантовая теория, — и, стало быть, частицы аналогичны симметрическим телам платоновского учения» [1, 173]. По его мнению, современная физика со всей определенностью решает вопрос в пользу Платона. Мельчайшие единицы материи являются здесь не физическими объектами в обычном смысле слова, а формами, структурами или идеями (понятиями) в смысле Платона, о которых можно однозначно говорить только на языке математики. Единые теории в основном оперируют понятиями, воплощая их в формы математической физики. Большинство физических теорий имеют как бы три стадии воплощения: доказательство с помощью физико-математического аппарата формул; экспериментальная проверка теорий; анализ полученных результатов, уяснение смысла формул и эксперимента с помощью естественного языка. Для экспериментальной проверки современных единых теорий необходимо было бы иметь частицы с энергией порядка 10^{19} Гэв. А по оценкам специалистов, крупнейший ускоритель (он опоясывал бы Землю по экватору), который можно было бы построить на Земле, позволил бы получить частицы с энергиями порядка 10^7 Гэв. Поскольку в условиях Земли современные единые теории не могут пройти экспериментальную проверку, то конечным результатом осознания их истинности остается анализ смысла с помощью естественного языка. В конце концов физика также вынуждена положиться на естественный язык. А это означает, что в конечном итоге физики пришли к слову, не осознав, что ответы необходимо искать в его структуре, хотя и отмечали огромную роль слова в познании физических явлений.

В современной науке актуальным остается требование полной ясности в

изложении теории и неизбежная неточность и недостаточность понятий для выражения ее полного содержания. Язык математики не решает всех проблем, поскольку, с одной стороны, требует окончательной смысловой интерпретации полученных результатов с помощью естественного языка, а с другой — остается неясным, насколько математический язык применим ко всем явлениям. В. Гейзенберг по этому поводу замечает: «Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках «понять», может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей... В атомной физике мы используем весьма развитый математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности... Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов положиться на естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления» [1, 121].

Здесь возникает языковой парадокс: с одной стороны, язык математики позволяет наиболее точно, однозначно и непротиворечиво описывать разные явления, а с другой — чтобы понять окончательный смысл полученных результатов, необходимо прибегать к природному языку с его менее строгим понятийно-формальным аппаратом. Кстати, этот парадокс хорошо отражает парадокс копенгагенской интерпретации квантовой теории, которая исходит, с одной стороны, из положения необходимости описывать эксперименты в понятиях классической физики, а с другой — из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе.

В современную физику фундаментальных исследований хлынули потоком в качестве терминов слова с художественной образностью: *кварк* (от англ. *quark* — образ таинственного духа, заимствованный из романа Дж. Джойса «Поминки по Финнегану»); отсюда и наименование частицы, не наблюдаемой в свободном виде и экспериментально не обнаруженной), *аромат*, *эж*, *пена* и др. Среди пяти типов кварков, или так называемых ароматов, выделяют *очарованный*, *странный*, *прелестный*. И в этом проявляется своя закономерность: образность физической науки приближает ее к разгадке глубинных тайн бытия, где физика и лирика смыкаются в одно целое. Язык как основной и естественный инструмент познания оказался не только главным и последним прибежищем истины для любой пауки, но и источником, исследуя который, стало возможным проникновение в сокровенные глубины бытия. Древнейшая лингвистическая метафизическая идея о Слове как основе становления мира как целого стала науч-

ной реальностью, чему в немалой степени способствовали широкие связи лингвистики с другими науками. Строго говоря, если в начале было Слово, то, построив непротиворечивую геометрическую модель реального слова, можно получить основу мироздания. В этом случае геометрическая модель структуры слова должна обладать огромной объясняющей силой и для других объектов микромира и макромира, что и показано в работах автора.

Плодотворным для современного языкознания оказалось высказанное еще В. фон Гумбольдтом положение о языке как энергии и деятельности духа. На его основе на стыке психологии, лингвистики и психотерапии сформировалось новое направление — нейролингвистическое программирование, перед которым стоит задача изучения психоэнергетических возможностей языка. В целом же перед теоретическим языкознанием стоит задача осмысления причин, факторов и механизма деятельности духа, порождающего разнообразие языков. Актуальным становится тезис Гумбольдта о том, что языки «представляют собой некий способ достижения определенными средствами определенной цели», его всестороннее рассмотрение позволит приблизиться к пониманию конечной цели деятельности духа.

Литература

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
2. Шредингер Э. Пространственно-временная структура Вселенной. М., 1986.

Н. Ю. Авина (Вильнюс)

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ЛИЦ (на материале русскоязычных газет, издаваемых в Литве)

Исследователи отмечают раскованность, повышенную словообразовательную активность, высокую степень динамизма русского языка последних десятилетий. Деятельностный характер словообразования ярко проявляется в таких сферах, как газетно-публицистический стиль, разговорная речь. Процессы, происходящие в современном словообразовании, находят специфическое отражение в русском языке в инонациональном окружении. Цель данной работы — определить продуктивность словообразовательных типов имен лиц в русском языке 90-х годов в Литве, рассмотреть особенности их функционирования. Имена лиц занимают важнейшее место в сфере современного номинативного словообразования — это один из тех участков языковой системы, в которых отражаются важные явления и процессы жизни современного общества.